

Звездная
Пыль

Эми Кауфман, Меган Спунер

РАЗБУТЫЕ ЗВЕЗДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К30

Amie Kaufman, Meagan Spooner

THESE BROKEN STARS

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Adams Literary и Andrew Nurnberg.

Кауфман, Эми.

К30 Разбитые звезды : [роман] / Эми Кауфман, Меган Спунер ; [пер. с англ. Е. Щербаковой]. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 384 с. — (Серия «Звездная пыль»).

ISBN 978-5-17-087855-0

Огромный межгалактический лайнер, выходя из гиперпространства, терпит катастрофу и падает на неизвестную планету.

Уцелели лишь двое — дочь самого состоятельного человека в Галактике и молодой военный, один из тех, кого девушка редко удостаивала даже взглядом.

Однако выживать им придется вместе.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

**Copyright © 2013 by Amie
Kaufman, Meagan Spooner**
**© Е. Щербакова, перевод
на русский язык**

ISBN 978-5-17-087855-0

© ООО «Издательство АСТ», 2016

*Посвящается Клинту Спунеру,
Филипу Кауфману и Брендану Казинсу —
трем постоянным созвездиям
в нашей изменчивой вселенной*

— Когда вы познакомились с мисс Лару?

— За три дня до крушения.

— Как это случилось?

— Крушение?

— Знакомство с мисс Лару.

— А это важно?

— Все важно, майор.

ГЛАВА 1

Тарвер

Все в этом салоне фальшивое. Будь это обычная вечеринка в чьем-то доме, в углу обязательно расположились бы музыканты-люди. Мягкий свет наполнял бы комнату, а деревянные столы были бы на самом деле сделаны из древесины. Люди слушали бы друг друга, а не проверяли постоянно, кто за ними наблюдает.

Здесь даже воздух будто искусственный. Пламя свечей в канделябрах трепещет, но их подпитывает источник постоянной энергии. В воздухе летают подносы, словно напитки гостям разносят невидимые официанты. Струнный квартет всего лишь голограмма — она-то уж точно не собьется с нот и сыграет безупречно на каждом выступлении.

Я все отдал бы за непринужденный веселый вечерок со своим взводом, вместо того чтобы торчать здесь в декорациях исторического романа. Все знают, где находятся: этого не скроет даже бутафория времен Викторианской эпохи. Звезды за иллюминаторами кажутся смазанными полупрозрачными штрихами. Так наш «Икар», мчащийся по гиперпространству на сверхсветовой скорости, тоже покажется размытой кляксой для тех, кто вдруг застыл на месте посереде Вселенной.

Я прислоняюсь спиной к книжным полкам и вдруг понимаю, что книги — *настоящие*. Пробегаю пальцами по грубым кожаным корешкам и вытягиваю одну. Никто их не читает: поставили только для украшения. Книги оказались на полках

из-за красивых переплетов, а не из-за содержания. Никто не заметит, что одна пропала, а мне нужно что-то реальное.

Моя роль на сегодняшний вечер выполнена — я достаточно улыбался на камеры. Начальство почему-то считает, что все офицеры должны проводить время в высшем обществе, стараясь в него влиться. И если я, парень простого происхождения, стану постоянно мелькать перед фотоаппаратами, которыми кишит «Икар», и буду на короткой ноге с элитой, это пойдет мне на пользу. Я все жду, когда же фотографы, увидев меня с бокалом в салоне первого класса, прицелятся в меня своими объективами, но я уже две недели на борту, а они почему-то не торопятся.

Эти ребята любят истории о тех, кто из грязи да в князи, даже если все их богатство — медали на груди. Из этого можно состряпать неплохую статью. Военные хорошо смотрятся, богатые — тоже, и бедным есть к чему стремиться. «Видите? — кричат все газетные заголовки. — Вы тоже можете взлететь к богатству и славе. Раз уж простой парень добился успеха — у вас тоже получится!»

Но если бы не тот случай на Патроне, меня бы здесь и не было. Люди называют это героизмом, а я — сокрушительным поражением. Но кому интересно мое мнение?

Я оглядываю комнату: стайки женщин в ярких вечерних платьях, офицеры в военной форме, мужчины во фраках и цилиндрах. Разношерстная толпа заставляет меня нервничать. Никогда мне не привыкнуть к здешней системе, сколько бы раз я ни бывал бок о бок с этими людьми.

Мой взгляд падает на мужчину, который только что появился в дверях. Я не сразу понимаю, что же привлекло мое внимание, но он совершенно не вписывается в обстановку, хоть и пытается быть как все. Черный фрак слишком заношен, а на цилиндре нет модной нынче блестящей атласной ленты.

У меня глаз наметан подмечать тех, кто выбивается из общей картины, а человек этот явно выделяется из массы скроенных хирургическим скальпелем лиц без единого изъяна. От уголков его глаз и губ разбегаются морщины, кожа обветрена и опалена солнцем. Он нервничает, сутулится, то хватаясь за лацканы фрака, то отпуская их.

У меня екает сердце. Я провел достаточно времени в колониях и знаю: не следуешь правилам — поплаতিшься жизнью. Я отхожу от книжных полок и иду к нему. Навстречу мне попадают две дамы — они вертят в руках монокли, которые им явно без надобности. Хочу узнать, зачем он сюда пришел, но вынужден медленно и терпеливо пробираться сквозь толпу. Начну толкаться — сразу привлеку внимание. А если этот мужчина опасен, малейшая перемена настроения в комнате может спровоцировать его на действия.

Тут я слепну от яркой вспышки камеры, наставленной мне прямо в лицо.

— О, майор Мерендсен! — Меня окликает девушка лет двадцати, которая расположилась с подругами возле иллюминатора. — Вы просто обязаны с нами сфотографироваться!

Их лицемерие мне противно. Я для них — что собачонка, которая выслуживается на задних лапках, и они это знают. Но они ни за что не упустят возможность оказаться в кадре с настоящим героем войны.

— Конечно, я вернусь через минуту, если...

Но не успеваю я договорить, как все трое начинают позировать около меня, кривя губы в улыбках и хлопая ресницами.

Улыбайся на камеру. Меня ослепляет череда вспышек.

Я чувствую слабую покалывающую боль в затылке, которая непременно перерастет в мучительную мигрень. Девушки все болтают без умолку

и липнут ко мне, и я теряю из виду мужчину с обветренным лицом.

Фотограф зудит рядом со мной, как назойливая муха. Я отхожу в сторону, оглядываюсь, но в глазах темно от вспышек. С трудом моргаю, и мой взгляд блуждает от бара к двери, к парящим в воздухе подносам, к диванам со столиками... Я пытаюсь вспомнить, как выглядел незнакомец, как он был одет. Был ли его фрак достаточно свободным, чтобы под ним что-нибудь спрятать? Мог ли он быть вооружен?

— Майор, вы слушаете меня? — Фотограф продолжает что-то мне говорить.

— Да.

Нет, я не слушаю. Я отделяюсь от виснувших на мне девушек, сказав, что хочу подойти к фотографу поближе. Хотел бы я догнать того мужчину, а еще лучше — предупредить, что ему грозит опасность, и посмотреть, как быстро он исчезнет из зала.

— Я говорю: странно, что ваши приятели с нижней палубы не пытаются тоже сюда попасть.

Да неужели? Каждый вечер, когда я ухожу на палубу первого класса, остальные солдаты смотрят на меня так, будто иду я в камеру смертников.

— Ох, бросьте, — я стараюсь убрать из голоса раздражение: — Вряд ли они знают, что такое шампанское. — Я пытаюсь изобразить улыбку, но лицемерить мне удастся не очень хорошо.

Фотограф смеется слишком громко и обстреливает меня новой очередью вспышек. Я моргаю, пытаясь избавиться от звездочек перед глазами, и вытягиваю шею, выискивая взглядом сутулого мужчину в поношенной шляпе, но его нигде нет.

Может, он ушел? Тогда зачем пробираться на вечеринку, а потом тихо ускользнуть? Возможно, он нашел свободное место, сел и слился с толпой. Я снова окидываю взглядом диваны, но на этот раз пристально вглядываюсь в посетителей.

Все диваны и столики заняты. Кроме одного... Мой взгляд падает на девушку: она сидит в одиночестве и отрешенно наблюдает за толпой. Ровная светлая кожа выдает в ней одну из них, но взгляд говорит, что она лучше — выше их.

Платье у нее того же цвета, что и форма военно-морского флота; оголенные плечи на мгновение притягивают мой взгляд. На них ниспадают рыжие волосы. Нос у девушки слегка вздернутый, но делает ее только привлекательнее. И она кажется настоящей.

Нет, «привлекательная» неподходящее слово. Она сногшибательно красива.

Что-то в ее лице будит в памяти смутные воспоминания, будто оно мне знакомо, но тут девушка замечает, что я на нее уставился, и все вылетает у меня из головы. Я прекрасно понимаю, что нельзя общаться с девушками вроде нее, поэтому понятия не имею, почему продолжаю смотреть на нее и улыбаюсь.

Вдруг я краем глаза замечаю какое-то движение. Тот подозрительный мужчина больше не пытается слиться с гостями. Его сутулости как не бывало, взгляд прикован к чему-то на другом конце комнаты, и он быстро пробирается туда через толпу. Его цель — девушка в голубом платье. У меня нет времени на вежливость, и, протиснувшись между двумя ошарашенными пожилыми джентльменами, я направляюсь к дивану, но незваный гость опережает меня. Он наклоняется и тихо и торопливо что-то говорит. Жесты его резки и порывисты, будто он пытается скорее высказать то, ради чего пришел, пока его не схватили за нарушение порядка.

Девушка отшатывается от него. Толпа смыкается, и они пропадают из виду.

Я тянусь за своим лазерным пистолетом, но понимаю, что не взял его с собой. Без оружия я как без рук. Кидаюсь влево и опрокидываю парящий под-

нос на пол. Люди шарахаются в сторону, давая мне наконец пройти к столу.

Мужчина тянет девушку за локоть. Она пытается вырваться, ее взгляд мечется по толпе, молит о помощи и падает на меня.

Я уже на шаг ближе, но тут незнакомца хлопает по плечу мужчина в цилиндре. Рядом с ним стоит такой же самодовольный тип и два офицера — мужчина и женщина. Они знают, что человек с горящим взглядом — чужак и его присутствие здесь нежелательно.

Какой-то рыжеволосый джентльмен, возмнивший себя защитником девушки, дергает мужчину и толкает его к офицерам. Те берут его под руки. Я больше чем уверен, что он не умеет драться, как учат в колониях. Умел бы — управился бы с этими пьяными шутами. Они тащат его к двери, и один из них хватает его за шкуру. Я бы не стал так усердствовать, ведь он всего лишь пытался поговорить с той девушкой, но офицеры так не считают. Я останавливаюсь, пытаюсь отдышаться.

Мужчина выворачивается, освобождаясь от хватки офицеров, и снова обращается к девушке. В комнате воцаряется тишина, и все слышат обрывки его слов.

— ...пожалуйста, поговори с отцом. Мы умираем... оборудования не хватает, пусть он даст колонистам больше...

Голос мужчины обрывается, потому что один из офицеров бьет его со всей силы в живот, и тот сгибается пополам от боли. Я бросаюсь вперед к кольцу столпившихся зевак.

Но рыжеволосая девушка меня опережает. Она вскакивает, и это привлекает внимание всех в комнате больше, чем потасовка. Кем бы она ни была, в ее силах остановить происходящее.

— Хватит!

Таким голосом только приказы отдавать!

— Капитан, лейтенант, что вы творите?

Знал ведь, что она неспроста мне понравилась.

Я протискиваюсь вперед и вижу, как офицеры замерли под ее свирепым взглядом, способным усмирить целый взвод. Какое-то время меня никто не замечает. Но потом я вижу, что солдаты смотрят мне на плечи, рассматривая звездочки и нашивки. Да, у нас только звание одно. Но у меня медали боевые, а у них — за выслугу лет и бюрократическое прилежание. Я получил чин за то, что отличился в сражении. А они — за то, что праздно расслаиваются в кабинетах, копаясь в бумажках. Их рук никогда не обогрела кровь.

Впервые в жизни я рад своему новообретенному статусу. Двое солдат неохотно отдают мне честь. Оба старше меня, и я уверен, что им претит стоять навтыжку перед восемнадцатилетним юнцом. Забавно: в шестнадцать я был уже достаточно зрел, чтобы пить, сражаться и голосовать, но два года спустя еще слишком юн, чтобы меня уважали.

Офицеры до сих пор удерживают незваного гостя. Тот часто дышит, будто ждет, что его в любую секунду вышвырнут с корабля.

Я прочищаю горло, чтобы голос звучал спокойно.

— Если этому человеку не положено здесь быть, я провожу его к выходу.

Больше никакого насилия.

Все слышат, как звучит мой голос: грубо, невоспитанно, провинциально. В комнате раздаются смешки, и я понимаю, что люди смеются над нашим маленьким представлением. Но смех не злой — скорее веселый.

— Мерендсен, вряд ли он пришел за книжкой, — ухмыляется мне мистер Шикарный Цилиндр.

Я опускаю взгляд и понимаю, что до сих пор сжимаю в руке книгу. Конечно, раз этот мужчина беден, то не умеет читать.

— Уверена, он как раз собирался уходить, — произносит девушка, прожигая моего собеседника суровым взглядом, — и вы, полагаю, тоже.

Пользуясь тем, что офицеры застигнуты врасплох ее вмешательством, я забираю у них пленника и, удерживая за руку, направляю его к выходу. Девушка выключает голограмму, и снова ее лицо всплывает у меня в памяти: кто она такая, что может себе это позволить? Я пропускаю офицеров вперед, а потом мягко, но решительно веду мужчину к двери.

— С вами все в порядке? — спрашиваю я, едва мы выходим из салона. — Зачем вы сюда пришли? Я уж было подумал, что вы пришли, чтобы устроить взрыв.

Мужчина долго на меня смотрит. Едва ли кто-то из здешних будет когда-нибудь выглядеть как он. Его лицо уже старое.

Потом, не говоря ни слова, он разворачивается и уходит. Снова сутулится. Мне интересно, чего незнакомец хотел добиться от девушки в голубом платье.

Я стою на пороге и наблюдаю, как гости, позабыв о разыгравшейся драме, возвращаются к своим делам. Комната снова оживленно гудит, летающие подносы снуют туда-сюда, и отовсюду слышится безупречно поставленный смех. Я должен провести здесь еще не меньше часа, но сегодня, возможно, смогу улизнуть пораньше.

И вдруг я снова вижу ту девушку. Она пристально смотрит на меня, неторопливо дергает за пальцы свою перчатку и очень медленно стягивает ее с руки.

Сердце стучит у меня в горле, и я понимаю, что плясую на нее как идиот, но ноги не слушаются — чтоб им пусто было! Я не отрываю от нее глаз слишком долго, и на губах ее мелькает тень улыбки. Каким-то образом я догадываюсь, что девушка не смеется надо мной, и решаюсь подойти.

Девушка бросает перчатку на пол. Я наклоняюсь и поднимаю ее. Я не хочу спрашивать, все ли у нее